

Андрей Белый

Настоящее и будущее русской литературы

Андрей Белый

**Настоящее и будущее
русской литературы**

«Public Domain»

1905

Белый А.

Настоящее и будущее русской литературы / А. Белый — «Public Domain», 1905

«Смысл, цель, идея – понимается различно; смысл мирового прогресса религиозен, потому что последняя цель развития не формальна, но реальна, и в то же время реальность цели не коренится в условиях нам данной действительности; и потому-то идея разума всегда предопределена живым образом будущего, а это будущее – опять-таки не коренится в условиях данного...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Андрей Белый

Настоящее и будущее русской литературы

Одни говорят, что русская литература должна отражать жизнь; другие же говорят: «нет, не должна»; одни говорят: «литература призывает нас к созиданию жизни»; другие же отвечают: «нет, вовсе не призывает». – «Литература – форма проповеди», – утверждают одни; «Литература – не литература только», – оспаривают другие. «Нет, – только литература». – «*Литература – форма поэтическая*». – «Нет, литература – музыка стиля». – «Ни то, ни другое: она – форма популяризации знания».

Так многоголосый хор литераторов и критиков откликнется на вопрос, что есть литература...

Последние цели познания не коренятся в самом познании; они коренятся в действии; последние цели творчества не коренятся в творческих формах искусства; они коренятся в жизни. И потому-то последние цели литературы коренятся не в литературе вовсе. С этой точки зрения литература должна стать чем-то действенным и живым, литература – *не только форма искусства, но и еще нечто*. Так цель продиктует мне идейное отношение в литературе.

Если же я определяю литературу ее происхождением, я приду к другим выводам.

Трагедия развилась из лирики; роман, повесть, новелла – из народного эпоса; литература – сложная форма поэзии, т. е. *только форма искусства*. Итак: в одном отношении – литература *не только* форма искусства, но и еще нечто; в другом – она форма искусства.

Только или не только?

Прошлое литературы – песня; будущее – религия жизни. В настоящем дробится будущее и прошлое литературы, смешивается; и нам говорят: в литературе, прежде всего, напевность, стиль, музыка формы; и нам говорят: в литературе, прежде всего, смысл, цель, идея.

Но стиль, музыка, напевность – главный нерв ритма жизни. Из жизненного ритма выросло сложное древо религий; и потому-то прошлое литературы – непроизвольно религиозно: в основе здесь – религиозное, но бесформенное переживание.

Смысл, цель, идея – понимается различно; смысл мирового прогресса религиозен, потому что последняя цель развития не формальна, но реальна, и в то же время реальность цели не коренится в условиях нам данной действительности; и потому-то идея разума всегда предопределена живым образом будущего, а это будущее – опять-таки не коренится в условиях данного.

Итак, прошлое литературы – религия без цели, без смысла, но в образе; будущее в литературе – это формы религиозных целей, но без живых образов. И потому-то формы религиозных целей отрицают религию жизненного ритма, т. е. религию без ясно определенной цели; и потому-то жизненный ритм отрицает религию в телеологических построениях разума, науки и общественности. Религиозное прошлое литературы (литература как поэтический миф) борется с религиозным будущим литературы (литература как средство пересоздать жизнь). Литература как средство в этой борьбе вырождается в голую тенденцию; литература как самоцель вырождается в стилистику и академизм. Живой религиозный смысл литературы затемняется здесь и там; литература разлагается, с одной стороны, в пустое слово; с другой стороны, она разлагается в пустую мораль.

И вот два практических лозунга; в обоих лозунгах скрыт религиозный смысл:

«*Ты царь – живи один*», – говорит Пушкин художнику, т. е. самому себе¹. Здесь творческое сознание утверждает себя как абсолют, и религиозное утверждение здесь в утверждении себя.

¹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэту» (1830).

«От ликующих, праздно болтающих, обгаляющих руки в крови уведи меня в стан погибающих за великое дело любви»². Здесь – творческое утверждение себя в других.

В первом случае имени Бога живого не произносит художник: оно в нем; оно – не в слове его, а в эманации слов, в ритме, в стиле, в музыке. Таковы художники-индивидуалисты. Их бог не требует символа веры.

Во втором случае связь между художником и окружающими в чем-то, что ни художник, ни окружающее – в слове, в символе, в идейном завете. Таковы художники, призывающие к соборности. Идея, тенденция, лозунг является для них присягой чему-то третьему, соединяющему, вне их лежащему.

Если литература – орудие индивидуалиста, он превратит литературу в изящную словесность. Становясь орудием универсалиста, литература – идейная проповедь. Иногда стилистика покрывает идейную проповедь; когда обратно: сама проповедь превращается в стилистическую форму. Все же в корне своем обе формы литературного культа не уживаются в современности. Стилист отрицает проповедника, проповедник – стилиста.

Литература в развитии своем опирается на все завоеванное прошлое. Реальность литературных завоеваний – только в форме. Никогда идеи в литературе не опережали религию, философию и науку. Литература, только отражая идеи общества, самостоятельно ковала форму: и потому-то законы литературной техники перевесили на Западе смысл литературных произведений. Стилист победил проповедника. Но победа стиля отдала литератора во власть ремесла: стиль как отображение музыкального ритма души сменился стилем как имитацией чужих ритмов. Голос ритма превратился в литературный граммофон; образ ритма – в кинематографе марионеток.

На Западе еще в другом направлении стилист победил проповедника: религия жизни разложилась в условиях современности. Человек, чувствующий, мыслящий и водящий, разложился: 1) на чувствительного и безвольного дурака, 2) на неумного бесчувственного практика, 3) на холодного и безвольного резонера. Первый подменил религию мистикой своих не в меру тонких чувств; второй подменил религию – религией прогресса с ее утилитарной моралью; третий подменил религию – религией разума. Мистик, философ и моралист без остатка убили здорового человека. И литература покрылась беспочвенным, нарочитым мистицизмом, ненужным утилитаризмом и холодным резонерством. В том, другом и третьем случае религиозная по существу идея проповеди подменилась тенденцией. Далее: моралисты стали бороться друг с другом, с мистиками и резонерами. Литература из средства возрождения жизни превратилась в средство партийной борьбы: она стала средством оспаривать чужие средства – и выродилась в публицистику. И невольно возник вопрос: для чего же существует литература?

² Строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1860).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.